This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG 3337 G77Z62 Arkhangel'skiĭ D.V. Grigorovich...

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Вл. К. Трубровеллу.

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ

И

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

По поводу пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Д. В. Григоровича.

(Историческія справки и даты).

Профес. *А. С. Архангельскаго.*

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія В. М. Ключникова.
1894.

123267

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ

и

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

По поводу пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Д. В. Григоровича.

(Историческія справки и даты).

0 211
35

КАЗАНЬ.
Типо-литографія В. М. Ключникова.
1894.

Пр38

РС 3331
С 17 24

Цензурою дозв. Казань, 8 января 1894 года.

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ

и

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

По поводу пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Д. В. Григоровича.

(Историческія справки и даты).

Д. В. Григоровичъ родился 19 марта 1822 года...

Трудно представить для начальнаго воспитанія и развитія будущаго «народнаго» писателя болѣе неблагопріятныя условія, чѣмъ тѣ, какія окружали Григоровича въ ранніе годы его жизни. Отецъ, — родомъ малороссъ, отставной гусаръ, помѣщикъ,—умеръ вскорѣ послѣ рожденія ребенка и воспитаніе послѣдняго всецѣло пало на обязанности матери,—француженки-эмигрантки (отецъ ея, роялистъ де Вармонъ, былъ казненъ на гильотинѣ), или, вѣрнѣе, бабушки со стороны матери, — шестидесятилѣтней старухи-француженки, поклонницы Воль-

тера, «насквозь пропитанной понятіями, господствовавшими во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка», черствой, безсердечной женщины, считавшей себя къ тому же очень опытной въ дѣлѣ воспитанія, изъ полнаго подчиненія которой во всю жизнь не выходила ея дочь, мягкая, уступчивая по характеру, мать писателя...

Раннее дѣтство Григоровича протекло въ деревнѣ,—небольшомъ имѣньѣ, въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, куда семья переѣхала еще при жизни отца. Воспитаніе носило исключительно французскій характеръ. До восьмилѣтняго возраста у Григоровича не было въ рукахъ ни одной русской книжки; ребенка заставляли зубрить французскіе глаголы, твердить вокабулы и т. д. Русской грамотѣ будущій писатель научился отъ своихъ дворовыхъ крестьянъ, преимущественно отъ стараго отцовскаго камердинера Николая, который любилъ ребенка, какъ будто бы онъ былъ «десять разъ его роднымъ сыномъ». Ребенокъ былъ неразлученъ съ Николаемъ. «По цѣлымъ часамъ—вспоминаетъ писатель—караулилъ онъ, когда меня пустятъ гулять, бралъ на руки, водилъ по полямъ и рощамъ, разсказывалъ разныя приключенія и сказки... За весь холодъ и оди-

ночество моей дѣтской жизни, я отогрѣвался только, когда былъ съ Николаемъ. Когда рѣшено было везти меня въ Москву и наступила минута разставанья съ Николаемъ, я, какъ изступленный, съ крикомъ бросился ему на шею, истерически рыдалъ, кричалъ и такъ крѣпко обхватилъ его руками, что пришлось силой меня оторвать»...

Покидая родительскій кровъ,—ребенокъ «плохо читалъ по русски» и притомъ «съ иностраннымъ акцентомъ», чѣмъ вызывалъ насмѣшки своихъ сверстниковъ-товарищей... Впрочемъ, помимо вліянія Николая, въ обстановкѣ ранняго дѣтства будущаго писателя были и нѣкоторыя другія условія, которыя также должны были парализовать общій, господствовавшій тонъ воспитанія, и дѣйствовать на ребенка благотворно. Его мать жила въ деревнѣ довольно уединенно; она мало водилась съ сосѣдями - помѣщиками и, напротивъ, очень близко ставила себя къ быту простого народа. По всему уѣзду, среди сосѣднихъ крестьянъ, она извѣстна была какъ весьма искусная «лѣкарка»,—и къ ней отовсюду изъ окрестныхъ мѣстъ приходило и пріѣзжало множество простого народа, не только за совѣтами, но часто и за лѣкарствами. Вообще, домашняя обста-

новка Григоровича не носила обычнаго тогдашняго помѣщичьяго характера, и, по словамъ писателя, «не имѣла ничего общаго съ бытомъ сосѣдей-помѣщиковъ того времени». Крестьяне здѣсь были отпущены на оброкъ еще Григоровичемъ - отцомъ, и ребенку не приходилось около себя видѣть тяжелыхъ картинъ злоупотребленія помѣщичьей властью. Напротивъ, разсказы, которые иногда приходилось ему слышать объ этихъ злоупотребленіяхъ, всегда производили на него сильное впечатлѣніе. „Въ нашемъ домѣ,—замѣчаетъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* писатель,—и тѣни не было ничего подобнаго“...

Иностранный характеръ продолжаетъ сохранять воспитаніе и нѣсколько лѣтъ послѣ переселенія ребенка изъ родительскаго дома въ Москву, куда лѣтъ 10-ти увозятъ его для помѣщенія,—сначала, въ одной изъ гимназій, потомъ, вскорѣ, когда въ гимназіи ребенокъ заболѣлъ и его должны были взять,—въ одномъ изъ частныхъ иностранныхъ пансіоновъ. Собственно это былъ не пансіонъ; Григоровичъ былъ помѣщенъ въ иностранномъ семействѣ, у одной содержательницы моднаго магазина (г-жи Монигетти), у которой было три сына: желая дать имъ образованіе, но, вмѣстѣ

съ тѣмъ, желая, „чтобъ оно обошлось дешевле", она придумала брать къ себѣ на домъ воспитанниковъ; за извѣстную годовую плату, они пользовались помѣщеніемъ, столомъ и урокомъ. Атмосфера въ семьѣ была артистическая; она отражалась и на воспитаніи дѣтей. Въ ряду другихъ элементарныхъ предметовъ, дѣтей учили рисованью и танцамъ; старшій сынъ хозяйки готовился къ поступленію въ Академію Художествъ. Преподаваніе происходило на французскомъ языкѣ. У Монигетти Григоровичъ пробылъ три года. Его умственныя способности за это время, по его собственному сознанію, „не подвинулись ни на одинъ градусъ". Особенно хромало по прежнему знаніе русскаго языка: мальчикъ не былъ въ состояніи „сочинить и написать по русски самаго простого дѣтскаго письма»; къ матери онъ писалъ по французски...

Въ 1835 г. Григоровичъ былъ переведенъ въ Петербургъ: мать рѣшила отдать его въ Инженерное училище. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, французскій характеръ образованія замѣняется русскимъ; въ подготовительномъ пансіонѣ, куда помѣщенъ былъ Григоровичъ и гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ, все преподаваніе шло на русскомъ языкѣ; къ

тому-же учитель русскаго языка, „сжалившись“ надъ ребенкомъ, обратилъ на него особенное вниманіе: „онъ— вспоминаетъ писатель—принялся за меня съ особымъ усердіемъ, заставлялъ писать подъ диктовку, исправлялъ мою рукопись, разъяснялъ ошибки»...

Въ 1836 году Григоровичъ, хотя и съ трудомъ, выдержалъ экзаменъ въ училище и сдѣлался «кондукторомъ» (такъ назывались воспитанники училища въ отличіе отъ кадетъ). Поступленіе его сюда было, впрочемъ, ошибкой. Григоровичъ съ дѣтства не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ математикѣ и вообще къ точнымъ наукамъ; математика ему совсѣмъ недавалась. Его влекло искусство, и въ училищѣ съ охотой и серьезно онъ занимается только имъ. Григоровичъ бралъ отдѣльные уроки у акад. Тамаринскаго и подъ его руководствомъ цѣлые дни проводилъ за рисованіемъ, горя желаніемъ «вырваться на волю», освободиться отъ ненавистныхъ обязательныхъ наукъ... «Пройдя какимъ-то образомъ во второй классъ, предшествующій послѣднему, я пришелъ къ сознанію,—говоритъ писатель въ своихъ *Воспоминаніяхъ*,—что дальше идти нѣтъ мнѣ возможности. Логариѳмы окончательно меня сокрушили; зная, что

впереди меня ожидаютъ еще какія-то страшныя дифференціальныя исчисленія, я рѣшился во что бы то ни стало упросить матушку (главнымъ образомъ бабушку), взять меня изъ училища»... Одинъ случай съ трагикомическими послѣдствіями помогъ несчастному инженеру, и Григоровичъ вскорѣ избавился отъ училища. Григоровичъ поступилъ въ Академію Художествъ.

Общее образованіе и развитіе будущаго писателя, за время пребыванія его въ Инженерномъ училищѣ, впрочемъ, значительно подвинулось. Главнымъ образомъ онъ былъ обязанъ этимъ случайному обстоятельству: въ одно время съ нимъ «кондукторомъ» училища былъ и другой будущій русскій писатель— Ѳ. М. Достоевскій. Серьезностью воззрѣній, и вообще развитіемъ, послѣдній значительно превосходилъ товарищей. Григоровичъ быстро подпадаетъ его вліянію,—весьма благотворному, по словамъ самого Григоровича. «Достоевскій во всѣхъ отношеніяхъ былъ выше меня по развитости,—замѣчаетъ онъ въ *Воспоминаніяхъ*. Его начитанность изумляла меня. То, что сообщалъ онъ о сочиненіяхъ писателей, имени которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ... Первыя литературныя сочине-

нія, читанныя мною на русскомъ языкѣ, были сообщены мнѣ Достоевскимъ»... Умственное превосходство Достоевскаго сказывалось и на другихъ товарищахъ; кромѣ Григоровича, около Достоевскаго образовалось нѣчто вродѣ литературнаго кружка, «который держался особо и сходился какъ только выпадала свободная минута». Членовъ кружка связывала общая страсть къ чтенію: читалось все безъ разбору, что ни попадало подъ руку и что тайкомъ приносилось въ училище. Нерѣдко бывали и литературные споры, впрочемъ, не замысловатые. «Я вступалъ въ горячій споръ съ Достоевскимъ,—вспоминаетъ, напр., Григоровичъ,—доказывая, что Рафаэль Санціо значитъ—Рафаэль святой, такъ прозванный за его великія творенія; Достоевскій доказывалъ, что Санціо обозначаетъ только фамилію художника,—съ чѣмъ я никакъ не хотѣлъ согласиться»...

Помимо вліянія начитаннаго Достоевскаго, Григоровичъ въ это же время, въ бытность свою въ училищѣ, случайно знакомится съ Некрасовымъ. Послѣдній передъ тѣмъ только что издалъ небольшую книжку своихъ стиховъ («Мечты и звуки», Спб., 1840), и чтобы чѣмъ-нибудь существовать, занимался пере-

дѣлками и переводами французскихъ пьесъ для театра... Знакомство на первыхъ порахъ ограничилось, впрочемъ, лишь простымъ визитомъ.

Григоровичъ и въ академіи художествъ пробылъ, однако, не долго. Достигнувъ того, чего такъ страстно желалъ, Григоровичъ какъ-то скоро охладѣваетъ къ искусству... Вынесенныя изъ академіи впечатлѣнія описаны авторомъ въ повѣсти *Неудавшаяся жизнь*, проникнутой автобіографическимъ характеромъ. Выйдя изъ академіи, Григоровичъ поступаетъ на службу въ канцелярію директора Императорскихъ театровъ, Гедеонова...

Такова была «школа», пройденная Григоровичемъ. Многаго она не дала, да и не могла дать. Личнымъ усердіемъ и ученикъ похвалиться не могъ: годъ отъ году онъ учился «не охотнѣе, хуже»... Гораздо больше, чѣмъ школѣ, будущій писатель былъ обязанъ, повидимому, собственному, личному чтенію, — и въ этомъ отношеніи, особенно важнымъ для него было, какъ мы видѣли, вліяніе Достоевскаго...

Еще въ Академіи Художествъ Григоровичъ начинаетъ увлекаться театромъ, — преимущественно, впрочемъ, его кулисами. Эти увлеченія еще болѣе усили-

ваются на службѣ; послѣдняя отчасти даже поддерживала и развивала ихъ... Страсть къ театру теперь чередуется въ будущемъ писателѣ со страстью къ чтенію. Все это постепенно приводитъ молодаго театральнаго чиновника къ первымъ литературнымъ работамъ. Послѣднія, впрочемъ, долго носятъ крайне случайный характеръ. Прочитавъ драму Сулье «Eulalie Pontois», Григоровичъ дѣлаетъ ея переводъ на русскій языкъ, подъ заглавіемъ *Наслѣдство*; съ грѣхомъ пополамъ, пьеса была даже поставлена на сцену. Затѣмъ принимается за передѣлку водевиля *Шампанское и опіумъ*... Все это сблизило будущаго писателя съ литературнымъ міромъ. По поводу названнаго водевиля, Григоровичъ знакомится, а потомъ и сближается, съ В. Г. Зотовымъ, однимъ изъ плодовитыхъ тогдашнихъ театральныхъ писателей, и съ его семьей; литературная атмосфера этого семейства, полная осмысленнаго труда, дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно на выступавшаго писателя. Черезъ своего пріятеля, артиста Леонова, жившаго въ это время вмѣстѣ съ издателемъ *Энциклопедическаго Лексикона* Плюшаромъ, служившимъ, какъ представитель довольно богатой книжной фирмы, своего рода литературнымъ цен-

тромъ,—Григоровичъ знакомится съ послѣднимъ, и переводитъ для него съ французскаго небольшія повѣсти и анекдоты (Плюшаръ тогда былъ занятъ изданіемъ сборника: «Переводчикъ или сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ») Одновременно съ этимъ, Григоровичъ знакомится съ Гречемъ, сыномъ извѣстнаго Н. И. Греча († 1867 г.), также передѣлываетъ для него съ французскаго какую-то повѣсть,—по собственному выраженію переводчика, «верхъ нелѣпости», тѣмъ не менѣе изданную Гречемъ подъ заглавіемъ: *Эрленбургскій священникъ*... Въ 1842 — 1843 гг. Григоровичъ возобновляетъ свое знакомство съ Некрасовымъ, и на этотъ разъ становится къ нему въ болѣе близкія отношенія. Некрасовъ тогда едва пробивался своими литературными трудами; но его энергія, неутомимая дѣятельность дѣйствовали на всѣхъ необыкновенно возбудительно. Такое же впечатлѣніе они произвели и на начинавшаго писателя. «Жить также своимъ трудомъ, сдѣлаться также литераторомъ—казалось мнѣ, вспоминаетъ Григоровичъ, чѣмъ - то поэтическимъ, возвышеннымъ,—цѣлью, о которой только и стоило мечтать. Я не давалъ себѣ покоя, придумывая сюжеты для оригинальной повѣсти»... У писате-

ля является «страстное желаніе написать что-нибудь свое»... Некрасовъ поддерживалъ и развивалъ это страстное стремленіе къ литературному труду, и немедленно сдѣлалъ Григоровича въ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ ближайшимъ помощникомъ. Впрочемъ, Некрасовъ въ этомъ случаѣ больше дѣйствовалъ, кажется, съ чисто эгоистической, коммерческой цѣлью. Онъ сталъ поручать молодому человѣку, стремившемуся къ литературному труду, разныя работы для различныхъ, издававшихся имъ тогда книжекъ, альманаховъ и сборниковъ. Такъ, по порученію Некрасова, Григоровичъ изъ десятка французскихъ брошюрокъ, трактовавшихъ о танцахъ полька и «редовы»,—составляетъ одну, подъ заглавіемъ (оно было придумано заранѣе Некрасовымъ) *Полька въ Петербургѣ*; пишетъ, по порученію Некрасова, предисловія къ сборникамъ: «Зубоскалъ», «Первое Апрѣля»,—составляетъ брошюру *о Крыловѣ*, и т. д. Къ этому времени относится появленіе въ печати первыхъ разсказовъ Григоровича: *Театральная карета*, *Собачка*, *Штука полотна*. Послѣдняя была помѣщена также въ одномъ изъ сборниковъ Некрасова.

Такого рода литературная дѣятель-

ность, однако, не удовлетворяла выступавшаго писателя. Къ этому времени почти уже окончательно сложились литературные взгляды и стремленія Григоровича. Своимъ идеаломъ онъ ставитъ Гоголя. «Писать на-обумъ, дать волю своей фантазіи, сказать себѣ—«и такъ сойдетъ!»—казалось мнѣ, пишетъ онъ объ этомъ времени, равносильнымъ безчестному поступку. У меня, кромѣ того, —продолжаетъ онъ,— тогда уже пробуждалось влеченіе къ реализму, желаніе изображать дѣйствительность такъ, какъ она въ самомъ дѣлѣ представляется, какъ описываетъ ее Гоголь въ «Шинели»,—повѣсти, которую я съ жадностью перечитывалъ»... «Около этого времени, разсказываетъ Григоровичъ, въ иностранныхъ книжныхъ магазинахъ стали во множествѣ появляться небольшія книжки подъ общимъ заглавіемъ «Физіологіи»; каждая книжка заключала описаніе какого-нибудь типа жизни. Родоначальникомъ такого рода описаній служило извѣстное парижское изданіе: «Французы, описанные сами собой». У насъ тотчасъ явились подражатели. Некрасову, практическій умъ котораго былъ всегда на-сторожѣ, пришла мысль начать также издавать что-нибудь въ этомъ родѣ; онъ придумалъ изданіе въ

нѣсколькихъ книжкахъ: «Физіологія Петербурга». Сюда, кромѣ типовъ, должны были войти бытовыя сцены и очерки изъ петербургской уличной и домашней жизни. Некрасовъ обратился ко мнѣ, прося написать для перваго тома одинъ изъ такихъ очерковъ»... Со стороны Некрасова это была первая важная услуга, оказанная начинавшему писателю: онъ натолкнулъ послѣдняго на первый серьезный литературный трудъ... Григоровичу пришла мысль взять для описанія бытъ петербургскихъ шарманщиковъ; рѣшившись остановиться на этой задачѣ, онъ приступилъ къ ея выполненію съ пріемами самого строгаго натуралиста. «Я прежде всего,—разсказываетъ онъ,—занялся собираніемъ матеріала. Около двухъ недѣль бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ трехъ Подьяческихъ улицахъ, гдѣ преимущественно селились тогда шарманщики, вступалъ съ ними въ разговоръ, заходилъ въ невозможныя трущобы, записывалъ потомъ до мелочи все, что видѣлъ и о чемъ слышалъ. Обдумавъ планъ статьи и раздѣливъ ее на главы, я, однако-жъ, съ робкимъ, неувѣреннымъ чувствомъ приступилъ къ описанію»... Результатомъ изученій былъ очеркъ *Петербургскіе шарманщики*, помѣщенный въ первой части

изданнаго Некрасовымъ въ 1845 г. сборника: «Физіологія Петербурга»,—первая работа, которая обратила вниманіе Бѣлинскаго, на молодого писателя, и которая поставила послѣдняго на его настоящую дорогу.

Вмѣстѣ съ окончательнымъ выясненіемъ литературныхъ стремленій, около этого времени совершается общій переломъ въ умственной жизни нашего писателя. Связи его съ Достоевскимъ теперь особенно усиливаются. Теперь они даже живутъ на одной квартирѣ. У нихъ было двѣ комнаты съ кухней; одну комнату занималъ Достоевскій, другую—Григоровичъ. Прислуги не было; самоваръ ставили сами, за булками и другими припасами отправлялись тоже сами. Каждый получалъ приблизительно рублей по 50-ти въ мѣсяцъ; но денегъ этихъ имъ хватало лишь на первыя двѣ недѣли,—послѣднія двѣ, передъ получкою, они обыкновенно уже не обѣдали, а пробавлялись лишь ячменнымъ кофе, съ бѣлымъ хлѣбомъ, и чаемъ... Это было время, когда Достоевскій оканчивалъ свой знаменитый романъ «Бѣдные люди». Вмѣстѣ съ Достоевскимъ, Григоровичъ увлекается теперь Бальзакомъ. Достоевскій только что передъ тѣмъ окончилъ переводъ «Евгеніи Грандэ». И

Достоевскій и Григоровичъ ставятъ въ это время Бальзака выше всѣхъ современныхъ французскихъ писателей. Около того же времени Григоровичъ знакомится съ кружкомъ братьевъ Бекетовыхъ. Послѣднее было рѣшительнымъ моментомъ въ умственномъ развитіи писателя. Григоровичъ такъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*: «Собирались, большею частью, вечеромъ. При множествѣ посѣтителей (сходились иногда до пятнадцати человѣкъ), бесѣда рѣдко могла быть общею; рѣдко останавливались на одномъ предметѣ,— развѣ ужъ выдвигался вопросъ, который всѣхъ одинаково затрогивалъ; большею частью разбивались на кучки и въ каждой шелъ свой отдѣльный разговоръ. Но кто бы ни говорилъ, о чемъ бы ни шла рѣчь,—касались ли событій въ Петербургѣ, въ Россіи, за границей, обсуждался ли литературный или художественный вопросъ,—во всемъ чувствовался приливъ свѣжихъ силъ, живой нервъ молодости, проявленіе свѣтлой мысли, внезапно рожденной въ увлеченіи разгоряченнаго мозга; вездѣ слышался негодующій, благородный порывъ противъ несправедливости... Кружку Бекетовыхъ,—продолжаетъ писатель,—я многимъ обязанъ. До того времени, какъ

я сдѣлался постояннымъ его членомъ, мои мыслительныя способности облекались точно туманомъ. Бесѣды съ Достоевскимъ никогда не переходили предѣловъ литературы; весь интересъ жизни сосредоточивался на ней одной. Читалъ, я, правда, много, но читалъ безъ всякаго выбора,—все, что попадало подъ руку, читалъ исключительно романы, повѣсти, жизнеописанія художниковъ. Я ни надъ чѣмъ не задумывался сколько-нибудь серьезно; общественные вопросы меня нисколько не интересовали. Впечатлительный и страстный, я очертя голову бросался въ жизнь, отдаваясь минутному увлеченію. Многое, о чемъ не приходило мнѣ въ голову, стало теперь занимать меня; живое слово, отрезвляющее умъ отъ легкомыслія, я впервые услышалъ только здѣсь, въ кружкѣ Бекетовыхъ. Успѣхъ моего умственнаго развитія выразился уже тѣмъ, что моему самолюбію было больно за мою отсталость противъ многихъ изъ бывшихъ товарищей; литературными моими попытками и тѣмъ, что онѣ печатались, нечѣмъ было гордиться; я вполнѣ уже сознавалъ ихъ незначительность и незрѣлость. Послѣднюю мою повѣсть *Сосѣдка*, написанную въ промежутокъ этого времени, я почти стыдился признать за свою. Я

МУЗЕЙ

чувствовалъ, что дальше такъ идти нельзя, что каждый, пожалуй, опередитъ меня, и я останусь затеряннымъ. Внутренній голосъ подсказывалъ мнѣ, что во мнѣ что-то есть, что я могу что-то сдѣлать, могу пойти впередъ,—но для этого нужны другія условія, нужно, прежде всего, разстаться съ праздною жизнью и оставить Петербургъ. Я так и сдѣлалъ. Написавъ матушкѣ о моемъ намѣреніи,—я въ 1846 году, съ наступленіемъ весны, уѣхалъ въ деревню»...

Въ своихъ *Воспоминаніяхъ* Д. В. Григоровичъ подробно разсказываетъ исторію новаго произведенія, которое было имъ написано въ тиши деревенскаго уединенія.

«Я сознавалъ,—пишетъ онъ,—что пришелъ конецъ моимъ мытарствамъ, что пора одуматься, пора придти въ себя, приняться за настоящую работу и доказать, что мои порывы къ литературѣ не были мимоходными капризами, но признакомъ врожденнаго призванія»...

Долго не попадалось подходящаго сюжета; но случай помогъ дѣлу: «Къ матушкѣ,—разсказываетъ писатель,—привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію. Ее противъ воли выдали замужъ за грубаго молодого парня, котораго также принево-

лили взять ее въ жены; онъ возненавидѣлъ ее, чему не мало способствовали его сестры, началъ ее бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ и заколотилъ почти до смерти; баба была въ злѣйшей чахоткѣ и врядъ ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чѣмъ жить; ее сокрушала только судьба дочки, двухлѣтней дѣвочки: онъ и ее заколотитъ на смерть, говорила она. Разсказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Сюжетъ повѣсти былъ найденъ. Я тотчасъ же принялся его обдумывать и приводить въ повѣствовательную форму. Знакомый съ простонароднымъ русскимъ языкомъ только по рѣдкимъ книгамъ, которыя удавалось читать, я сталъ усердно его изучать практически, проводилъ часы на мельницѣ, бесѣдуя съ помольцами, разговаривалъ съ нашими крестьянами, стараясь прислушаться къ складу ихъ рѣчи, записывалъ выраженія, казавшіяся мнѣ особенно характерными и живописными... Первыя главы стоили мнѣ неимовѣрнаго труда. Французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатилѣтняго возраста, все еще по временамъ давалъ себя чувствовать; я долго иногда путался, пріискивая ту фразу, которая должна была выпукло и пластично выразить то, что хотѣлось сказать... Каждую

главу передѣлывалъ я, переписывалъ по нѣскольку разъ, вымарывая, переправляя въ ней все, что чуть-чуть казалось нескладнымъ»...

Послѣ четырехмѣсячнаго усидчиваго труда, повѣсть была готова и авторъ повезъ ее въ Петербургъ. Повѣсть носила заглавіе: *Деревня*, и въ томъ же 1846 г., была напечатана въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»... Вслѣдъ за «Деревней», въ слѣдующемъ году, въ ноябрьской книжкѣ «Современника» за 1847 г. явился *Антонъ Горемыка*,—едва пропущенный цензурой... Съ появленіемъ этой повѣсти, имя Григоровича разомъ поднялось блестящей звѣздой на небосклонѣ современной русской литературы.

Когда въ печати стали появляться первыя работы Григоровича, въ нашей литературѣ было нѣчто въ родѣ затишья: старая эпоха уже отживала свое время, а новое только что еще готовилось выступить... Сильныхъ, великихъ талантовъ—не было: уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ не стало Пушкина († 1837); въ 1841 году былъ убитъ Лермонтовъ, въ 1844 году умеръ Крыловъ... Гоголь былъ еще живъ († 1852), но его литературная роль была уже закончена: въ 1842 году вышло его послѣднее безсмертное про-

изведеніе *Мертвыя души*; теперь онъ готовилъ къ печати свою *Переписку съ друзьями* (вышла въ нач. 1847 г.), и окончательно умиралъ для литературы... Давно уже отошла въ область преданія журнальная дѣятельность Полевого: послѣ запрещенія *Московскаго Телеграфа* (1825—1834), послѣднія 12 лѣтъ литературной дѣятельности Полевого († 1846) носили уже другой характеръ... Съ запрещеніемъ въ 1836 г. *Телескопа* (1831—1836) была закончена и публицистическая дѣятельность Надеждина; углубившись въ археологію и географію, послѣдній теперь уже не принадлежалъ литературѣ († 1856). Наконецъ, были уже сочтены и дни Бѣлинскаго († въ нач. 1848 г.)... Полнымъ благополучіемъ пользовались и вполнѣ здравствовали лишь Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій,—враждебный Бѣлинскому литературный тріумвиратъ, связанный самой тѣсной дружбой. Начавши уже давно свою литературную дѣятельность, они теперь считали себя хозяевами въ литературѣ,— да отчасти и были ими въ дѣйствительности. Въ журналистикѣ продолжали царить *Сынъ Отечества*, основанный (еще въ 1812 г.) Гречемъ, *Сѣверная Пчела*, возникшая подъ редакціей Гре-

ча и Булгарина еще въ 1825 г., и *Библіотека для чтенія* Сенковскаго, основанная имъ въ 1834 г. *Отечественныя Записки* Свиньина къ этому времени уже прекратились (1818—1830). Новые журналы, противоположные тріумвирату, только еще собирались возникнуть: *Современникъ*, основанный въ 1836 г. Пушкинымъ и готовый почти прекратиться, переходилъ въ новую редакцію; въ 1838 году Краевскій покупаетъ у Свиньина право на возобновленіе *Отечественныхъ Записокъ*,—которыя и возникаютъ съ 1839 года... Въ литературѣ все сильнѣе и настойчивѣе пробивалось стремленіе къ существованію, все настойчивѣе и неудержимѣе пробивались свѣжія, молодыя силы, требовавшія жизни и простора... Наружное затишье говорило не объ органическомъ безсиліи, а лишь о сосредоточеніи совершавшагося процесса внутри.

Въ лицѣ Пушкина (1799—1837) русская литература разомъ выросла «на цѣлое столѣтіе»... Великое значеніе пушкинской поэзіи,—какъ это было выяснено еще Бѣлинскимъ,—заключалось прежде всего въ ея необыкновенной художественности. Пушкинъ былъ въ самомъ строгомъ, истинномъ смыслѣ слова —первымъ русскимъ поэтомъ-художни-

комъ. Не говоримъ уже о языкѣ,— объ этомъ «пушкинскомъ стихѣ», благодаря которому наша литература достигала высшей точки своего формальнаго развитія; говоря словами знаменитаго критика,—у Пушкина «не только стихъ, но каждое ощущеніе, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнены невыразимой поэзіи». Пушкинъ «созерцалъ природу и дѣйствительность подъ особеннымъ угломъ зрѣнія, и этотъ уголъ былъ исключительно поэтическій».... Какъ истинный художникъ, Пушкинъ почерпалъ свое вдохновеніе изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, изображая жизнь во всей ея полнотѣ,—служа «эхомъ» великому разнообразію ея сторонъ и явленій.... Никогда русская поэзія, ни прежде, ни послѣ, не достигала такой широты содержанія, не была проникнута въ такой степени лучшими, гуманными идеями и чувствами. Она будила, «чувства добрыя»—въ самомъ лучшемъ и высокомъ значеніи этихъ словъ.... Пушкинъ былъ поэтомъ гуманности, «всечеловѣчества»; въ этомъ отношеніи поэзія Пушкина,—дѣйствительно поэзія «всечеловѣчества», и здѣсь—причины ея высокаго развивающаго значенія.... «Всечеловѣчность» не уничтожила однако на-

родности. Будучи великимъ поэтомъ, Пушкинъ вмѣстѣ съ этимъ былъ и поэтомъ своего народа. Поэзія Пушкина чаще всего, особенно подъ конецъ, служила «эхомъ» русской жизни,—при своей необычайной художественности, была проникнута народностью. Въ этой поэзіи былъ «русскій духъ»,—отъ нея вѣяло «Русью». Поэзія Пушкина поражаетъ реальностью изображенія дѣйствительности,—и современной, окружавшей поэта, и исторической, далекаго прошлаго русскаго народа. «Русь» выступаетъ здѣсь со всей реальностью своей современной и исторической обстановки. Весьма замѣтное мѣсто занимаютъ въ поэзіи Пушкина и прямыя стремленія къ народности „простонародной",—глубокое сочувствіе къ народной массѣ, яркія картины изъ крестьянскаго міра.... И здѣсь величайшей заслугой Пушкина было то, что онъ первый коснулся русскаго крестьянскаго быта съ художественной вѣрностью. Указывая на присутствіе въ русскомъ народѣ и здравой мысли и глубокаго нравственнаго чувства, сочувствуя русскому мужику, —Пушкинъ не идеализируетъ его, но рисуетъ совершенно серьезно и реально: „У Пушкина въ первый разъ народъ являлся безъ сентиментальныхъ и

романтическихъ ходуль, съ подлинными чертами быта и языка... Въ литературной толпѣ еще долго тянулось прежнее фальшивое отношеніе къ народности, карамзинская чувствительность въ соединеніи съ лицемѣріемъ; но у большихъ писателей, продолжавшихъ дѣло Пушкина, оно стало уже невозможно. Самъ Пушкинъ далеко еще не совершилъ всего дѣла; нужно было еще много изученій и художественнаго труда, чтобы идея „народности" утвердилась въ литературѣ, но поэзія Пушкина давала настроеніе, тонъ этому труду. Подъ внушеніемъ этой поэзіи,—правдиво-реальное отношеніе къ „народности" было завоевано, какъ литературное орудіе, и у преемниковъ Пушкина развилось въ широкія и уже сознательныя примѣненія"... *) Въ Пушкинѣ, наконецъ, мы видимъ и первыя стремленія къ серьезному, чисто научному изученію народности: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей современной русской этнографіи. Въ Пушкинѣ мы видимъ настойчивыя изученія народнаго быта, языка, произведеній народной поэзіи, памятниковъ и матеріаловъ исто-

*) Пыпинъ, Ист. рус. этногр., I, 405.

рическихъ, и пр.; «ни у кого изъ русскихъ писателей, раньше и послѣ (кромѣ спеціалистовъ и записныхъ любителей), не было такого вниманія къ народному преданію, поэзіи, языку»... Въ Пушкинѣ поэтъ опирался на ученаго. Всѣмъ этимъ Пушкинъ твердо и разъ навсегда указалъ дорогу для дальнѣйшаго развитія русской литературы, твердо намѣтилъ, —по его собственному выраженію,—ея «новое, истинное направленіе»... Періодъ формальнаго развитія литературы,—эта господствовавшая до сихъ поръ, готовившаяся сдѣлаться какъ бы неизбѣжною, постоянная зависимость отъ чужого образца, недостаточная обработанность языка, неумѣнье изображать подлинныя черты русскаго быта, все еще прежнее, продолжавшееся какъ бы по традиціи, «пареніе» и пренебреженіе къ живымъ чертамъ дѣйствительности, къ реальности, современной и исторической,—всѣ эти черты старой, до-пушкинской, литературы теперь разомъ отходили въ область преданія... «Художественная высота пушкинской поэзіи, кромѣ изумительныхъ по красотѣ произведеній личной лирики, положила первыя прочныя основанія тому глубокому реализму въ изображеніяхъ русской жизни и дѣйствительности, который сталъ съ тѣхъ

поръ господствующей чертой нашей литературы и источникомъ ея дальнѣйшаго успѣха и современнаго европейскаго значенія. Пушкинъ самъ не довершилъ всего, что было имъ намѣчено,—какъ остались только въ зачаткѣ его планы соціальнаго романа,—но и то, что было сдѣлано,—его повѣсть, драма, историческій романъ,—указало эту дорогу»... Трезвое чувство дѣйствительности, реальности, кроткое гуманное чувство, которымъ проникнуты его произведенія, классическое совершенство формы, языка,—навсегда остались художественнымъ завѣтомъ Пушкина, великимъ наслѣдіемъ, оставленнымъ имъ родной литературѣ *).

Ближайшимъ преемникомъ и непосредственнымъ продолжателемъ этого завѣта былъ Гоголь (1809—1852). Въ его произведеніяхъ получала дальнѣйшее развитіе важнѣйшая сторона Пушкинской поэзіи—ея художественная реальность, близость къ русской дѣйствительности. По обширности и разнообразію поэтическихъ произведеній, Гоголь уступалъ Пушкину; область поэзіи, охватываемая

*) См. Пыпина, Характеристики литературныхъ мнѣній, СПБ., 1890 г., стр. 38—92. Его-же, Ист. рус. этнографіи, II, стр. 390-410.

Гоголемъ, вообще уже, чѣмъ у Пушкина. Нѣкоторыми сторонами своей литературной дѣятельности Гоголь даже замѣтно примыкалъ еще къ старому, до-пушкинскому, направленію литературы, къ той романтической беллетристикѣ, которая такъ долго у насъ господствовала; Гоголь еще довольно тѣсно связанъ съ этимъ старымъ, до-пушкинскимъ, романтизмомъ, и въ первыхъ произведеніяхъ является, вообще, весьма отзывчивымъ на старыя романтическія темы,— отсюда такое обиліе въ его первыхъ повѣстяхъ элемента фантастическаго, ужаснаго... Эта сторона очень скоро однако совершенно исчезаетъ, и въ своихъ историческихъ повѣстяхъ Гоголь вполнѣ уже становится на одну высоту съ Пушкинымъ,—достигаетъ той же глубокой вѣрности въ изображеніи исторической дѣйствительности, той же высокой художественной реальности изображенія... Наконецъ, въ болѣе позднихъ важнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Гоголь идетъ уже дальше Пушкина... Гоголь превосходитъ Пушкина бо́льшею близостью своихъ произведеній къ затрогиваемой дѣйствительности, несравненно бо́льшей реальностью выводимыхъ типовъ. Гоголевскіе типы и характеры—рельефнѣе, ярче пушкинскихъ; Гоголь ближе, непо-

средственнѣе, ставитъ читателя къ жизни, штрихи Гоголя рѣзче. . Отчасти этому способствовало, правда, и то, что Гоголь останавливается преимущественно на отрицательныхъ сторонахъ дѣйствительности, преимущественно является,— по мѣткому выраженію,—«поэтомъ пошлости», выхватывая изъ нея такіе типы и характеры, которые поражаютъ читателя своей жизненной правдой и яркостью; но, безспорно, сдѣсь сказывалась и особенность таланта... Во всякомъ случаѣ, этимъ въ весьма большóй степени усиливалось общественное значеніе произведеній Гоголя, а вмѣстѣ съ этимъ—и сила ихъ вліянія. Гоголь вымолвилъ то слово, которое замерло на устахъ у Пушкина,—докончилъ то, что оставалось имъ не доконченнымъ... Слѣдуя завѣту Пушкина, Гоголь навсегда и окончательно прикрѣпилъ къ русской литературѣ реализмъ изображенія, правду дѣйствительности... Такія произведенія, какъ *Ревизоръ*, *Мертвыя Души*—являлись не только произведеніями «чисто русскими, національными», выхваченными «изъ тайника народной жизни», но глубокими по смыслу явленіями соціальными, многознаменательными фактами общественности. Оригинальной чертой произведеній Гоголя, еще болѣе усиливавшей ихъ влі-

яніе, глубину ихъ общественнаго значенія, и отличавшей Гоголя отъ Пушкина, былъ—юморъ. Небывалое впечатлѣніе производилъ этотъ общій колоритъ гоголевскаго разсказа, этотъ «смѣхъ сквозь слезы». «Чувства добрыя», пробуждавшіяся лирой Пушкина, переходили здѣсь въ горячее сочувствіе всему бѣдному и угнетенному, къ этимъ ничтожнымъ по своему общественному положенію, презираемымъ всѣми, «забитымъ людямъ», въ которыхъ поэтъ открываетъ нерѣдко очень глубокую человѣческую душу. Реализмъ пушкинской поэзіи получалъ у Гоголя соціальный оттѣнокъ...

Послѣдняя сторона произведеній Гоголя, впрочемъ, далеко не всѣми была понятá въ началѣ; не только толпа, но и представители старой критики видѣли въ произведеніяхъ Гоголя лишь фарсъ, каррикатуру. Вполнѣ оцѣнить значеніе своихъ произведеній не былъ въ состояніи, какъ извѣстно, и самъ авторъ. Въ отношеніи сознательности художественнаго творчества,—чего такъ недоставало Гоголю,—а Гоголь, и Пушкинъ въ значительной степени уступали Грибоѣдову (1795—1829) и Лермонтову (1814—1841). Оба эти писателя, такъ рано погибшіе, обѣщали, можетъ быть, еще бóльшую поэтическую силу, чѣмъ

какою обладалъ даже Пушкинъ; во всякомъ случаѣ, и въ оставленныхъ ими произведеніяхъ русская поэзія пріобрѣтала дальнѣйшее поэтическое и общественное развитія... Общее вліяніе произведеній Пушкина и Гоголя въ значительной степени получало новую поддержку въ произведеніяхъ Грибоѣдова и Лермонтова...

Пушкинымъ и Гоголемъ открывался новый періодъ русской литературы.

Прежде всего, необычайно расширялись и содержаніе самой литературы, и кругъ ея читателей. Въ послѣднемъ отношеніи особенно велико было значеніе Пушкина. Какъ было уже замѣчено, литературные интересы, занимавшіе у насъ до того времени лишь очень немногихъ, теперь пріобрѣли значительную популярность; литературное образованіе, благодаря стихамъ Пушкина, разлилось на новые десятки тысячъ людей. Произведенія великаго поэта «могущественно дѣйствовали на пробужденіе сочувствія къ поэзіи въ массѣ русскаго общества; они умножили въ десять разъ число людей, интересующихся литературой и чрезъ то дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія»... Это—та сторона общественнаго значенія произведеній Пушкина, на которую онъ самъ указалъ, говоря:

Плодятъ читателей они,
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Тамъ просвѣщенье, тамъ добро...

Вмѣстѣ съ этимъ, самая литература призывалась къ болѣе сознательному и серьезному общественному служенію. Литература переставала быть лишь «пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени»,—говоря словами заглавія одного стариннаго журнала; прежнее, царившее до Пушкина, «пѣснопѣвческое» направленіе нашей литературы навсегда заканчивалось. По прекрасному выраженію одного изъ позднѣйшихъ изслѣдователей нашей литературы,—литература поднималась «на высоту служенія общественному развитію, общественной мысли»*)... Соотвѣтственно общему умственному росту литературы, быстро измѣняется самая ея внѣшность, ея внѣшняя форма: отъ стиховъ она переходитъ къ прозѣ. Стихи какъ-то разомъ уступаютъ господствующее мѣсто прозѣ. Здѣсь наша литература особенно многимъ была обязана Гоголю... Онъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ нашихъ писателей, болѣе даже чѣмъ Пушкинъ, долженъ быть названъ отцомъ русской изящной прозы. При по-

*) Н. С. Тихонравова, Рѣчь о Пушкинѣ. *Вѣстн. Евр.*, 1880, августъ, стр. 723 s. 99.

явленіи Пушкина, русская литература представляла царство стиховъ, не знала прозы,—продолжала не знать ея и до начала 30-хъ годовъ. Были лишь отрывочныя, эпизодическія ея проявленія; окончательное упроченіе ея принадлежало Гоголю, выступившему въ качествѣ прозаика въ печати раньше Пушкина. Большинство прозаическихъ произведеній Пушкина было напечатано уже послѣ его смерти; при жизни въ печать проникли лишь *Повѣсти Бѣлкина* (1831), *Пиковая Дама* (1834), *Капитанская Дочка* (1836),—между тѣмъ Гоголемъ за это время были изданы: *Вечера на хуторѣ* (1831—1832), *Миргородъ* (2 ч., 1835),—гдѣ находились: *Старосвѣтскіе помѣщики*, *Тарасъ Бульба* (въ первой редакціи), *Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*, *Арабески* (1835),—гдѣ были помѣщены: *Портретъ*, *Невскій Проспектъ*, *Записки Сумасшедшаго*; наконецъ, въ 1836 г появляются: *Ревизоръ*, *Коляска*, *Утро дѣловою человѣка*, *Носъ* *)...

Одновременно съ этимъ, русская литература разомъ получаетъ несравненно

*) Очерки Гоголевскаго періода, Спб., 1892, стр. 12—14.

бо́льшее развитіе, разомъ выростаетъ и количественно, и качественно. Рядомъ съ продолжающейся дѣятельностью старыхъ поэтовъ, такихъ, какъ Воейковъ (1779—1839), С. Е. Раичъ (1792—1855). Ѳ. Н. Глинка (1788—1880), слѣпца Козловъ (1779—1840),—выступаетъ цѣлое поколѣніе новыхъ поэтовъ, представителей школы Пушкина, поэтовъ «чистаго искусства», «добрыхъ чувствъ», гуманной «всечеловѣчности». Ближайшими къ Пушкину и болѣе значительными являются: Веневитиновъ (1805—1827). Дельвигъ (1798—1831), Баратынскій (1792—1844), Полежаевъ (1809—1838), Губеръ (1814—1847), кн. П. А. Вяземскій (1792—1885), Языковъ (1803—1846), Хомяковъ (1804—1860), Делярю (1811—1868), Подолинскій (1806—1880), Бенедиктовъ (1807—1875), Тютчевъ (1803—1873), Д. Д. Минаевъ (1808—1876), за которыми слѣдуютъ болѣе мелкіе, но также имѣвшіе въ свое время у себя и читателей, и поклонниковъ,—такіе, какъ: В. Туманскій (1802—1860), Тепликовъ († 1838), Мятлевъ (1796—1844), Ознобишинъ (1802—1877) и мн. др. Послѣ Пушкина и Лермонтова, лучшимъ представи-

телемъ чисто народной лирики является Кольцовъ (1809—1842). Особенно сильное развитіе получаетъ повѣсть, преимущественно историческая. Послѣ Нарѣжнаго († 1825) и Марлинскаго (1795—1837), она особенно усиливается въ произведеніяхъ Полевого (1796—1846), Вл. А. Сологуба (1814—1882), Загоскина (1789—1851), Лажечникова (1794—1869), Кукольника (1809—1868), Н. Ф. Павлова (1803—1865), Вельтмана (1800—1870) и др. Историческіе очерки и романы нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ сейчасъ писателей,—не смотря на полное почти отсутствіе здѣсь всякой исторической правды,—отчасти предшествуютъ, отчасти сопровождаютъ, появленіе классическихъ историческихъ повѣстей Пушкина и Гоголя.

Вмѣстѣ съ стихами и историческою повѣстью, въ литературѣ начинаютъ все сильнѣе сказываться стремленія къ изображенію народнаго быта. Въ числѣ наиболѣе раннихъ произведеній этого рода нужно упомянуть о повѣстяхъ и разсказахъ изъ простонароднаго быта Даля (Казака Луганскаго, 1801—1872). Лучшими отвѣтами на эти инстинктивныя стремленія къ народному, послѣ Пушкина, Гоголя, *Пис-*

ни о купцѣ Калашниковѣ Лермонтова, сейчасъ названныхъ повѣстей Даля— были пѣсни Кольцова (1809 - 1842), а также его предшественника, Цыганова († 1833). Отмѣтимъ здѣсь также *Конька-горбунка* Ершова (1815—1869).

Новыя идеи, вносившіяся въ русскую литературу произведеніями Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, усиливались другими явленіями,—вліяніемъ нѣмецкой философіи и распространеніемъ идей французской литературы. Рядомъ съ расширеніемъ и ростомъ литературы поэтической, русская общественная мысль, одновременно съ тѣмъ, получаетъ, вообще, новое, болѣе широкое, развитіе. И въ обществѣ, и въ литературѣ замѣчается сильное распространеніе идей Шеллинга и Гегеля —что было существеннымъ шагомъ впередъ; сравнительно съ идеями философіи Кузена, которую особенно усердно пропагандировалъ передъ этимъ Полевой (1796—1846) ... Послѣднему, впрочемъ, въ общемъ ходѣ своего развитія, русское общество было очень многимъ обязано. *Московскій Телеграфъ* Полевого былъ у насъ первымъ вліятельнымъ журналомъ и весьма значительно способствовалъ общему расшире-

нію нашихъ литературныхъ и общественныхъ понятій распространенію просвѣщенія и разрушенію старыхъ литературныхъ мнѣній. Принесла свою долю пользы и философія Кузена,—изъ которой исходило общее міровоззрѣніе Полевого: философія эта подготовила русское общество къ принятію идей Шеллинга и Гегеля. Помимо того, Полевой первый ввелъ въ нашу журналистику серьезную критику,—хотя начала этой критики очень скоро оказались отсталыми; самъ Полевой не понялъ важнѣйшихъ произведеній Гегеля, да и не могъ понять, и его критика неизбѣжно очень скоро должна была стать въ разрѣзъ съ критикой Бѣлинскаго. Идеаломъ поэта для Полевого были Викторъ Гюго, Ламартинъ и Шатобріанъ; идеалы Полевого уходили въ туманную область французской романтики,—Полевой былъ у насъ наиболѣе рьянымъ поборникомъ романтизма... Болѣе широкое значеніе для общественнаго развитія имѣла публицистическая дѣятельность Н. И. Надеждина (1809—1856),—одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашей литературы и науки, непосредственнаго предшественника и учителя Бѣлинскаго. Надеждину особенно многимъ было обязано русское общество въ

развитіи своихъ литературныхъ и общественныхъ понятій. Послѣдователь Шеллинга, Надеждинъ первый ввелъ у насъ въ общее сознаніе идеи, выработанныя нѣмецкой философіей. Предшественниками Надеждину здѣсь были лишь отдѣльныя попытки въ этомъ отношеніи такихъ лицъ, какъ М. Г. Павловъ, Ѳ. А. Голубинскій, Г. П. Павскій,—сфера вліянія которыхъ, впрочемъ, ограничивалась преимущественно, если не исключительно, ученой аудиторіей; особенно значительная заслуга принадлежала Павлову, вліянію котораго обязана была студенческая молодежь московскаго университета пробужденіемъ въ ея средѣ первыхъ стремленій къ изученію нѣмецкой философіи.

Литературная дѣятельность Надеждина впервые внесла эти идеи въ журналистику. Надеждинъ первый далъ нашей журнальной критикѣ прочныя основанія. Вмѣсто неясныхъ стремленій французскихъ романтиковъ, онъ первый далъ русской критикѣ прочные эстетическіе принципы, и тѣмъ самымъ приготовилъ почву для критики Бѣлинскаго. Сообразно духу нѣмецкой философіи, Надеждинъ смотрѣлъ на литературу, какъ на одно изъ проявленій, въ связи съ другими сторонами, общей народной

жизни; отъ литературы требовалъ сознательнаго творчества,—сознанія своего назначенія, стремленія быть не праздною игрою личной фантазіи, а выразительницею народнаго самосознанія, могущественной силой, движущею народъ по пути историческаго развитія....

Одновременно съ идеями нѣмецкой философіи, распространяется новое движеніе изъ Франціи. Европейская мысль, въ лицѣ французскихъ и англійскихъ писателей, къ этому времени начинаетъ все сильнѣе сосредоточиваться на разработкѣ соціальныхъ вопросовъ; поднимаются вопросы о судьбѣ народныхъ массъ, общественномъ положеніи женщины, объ общемъ строѣ общественнаго и семейнаго быта, объ отношеніяхъ къ обществу отдѣльной личности и т. д. Въ Европѣ, преимущественно во Франціи, развиваются идеи Сенъ-Симона (1760—1825), Анфантена (1796—1825), Базара (1791—1832), Фурье (1772—1837), Овена (1771—1858), Кабе (1788—1856), Прудона. Одновременно съ этимъ, печатаются романы Жоржъ-Зандъ. (1804—1876), передъ которыми быстро отступаютъ на задній планъ только что господствовавшіе въ литературѣ—В. Гюго (1802—1885) Ламартинъ (1790—1869), Шатобріанъ (1769—1848)...

Въ противоположность туманнымъ романтическимъ стремленіямъ этихъ писателей, ихъ необъятной міровой фантазіи, ихъ неясному, глухому недовольству,—романы Жоржъ-Зандъ ставятъ реальные вопросы о семейномъ и общественномъ положеніи женщины, о правахъ рабочаго сословія. Авторъ является пропагандистомъ христіанскаго соціализма, защитникомъ правъ народной массы и каждой отдѣльной личности, проповѣдникомъ свободнаго труда...

Все это находитъ быстрое распространеніе и у насъ. Заграничныя изданія, книги, брошюры, не смотря на запрещеніе, находятъ быстрый и почти свободный доступъ въ Россію: ихъ вездѣ легко было встрѣтить, и въ столицахъ, и въ провинціи... Никитенко въ своемъ *Дневникѣ* замѣчаетъ, по поводу запрещенія у насъ въ 1834 г. министромъ народнаго просвѣщенія романа Виктора Гюго—«Соборъ Парижской Богоматери»: «Министръ полагаетъ, что намъ еще рано читать такія книги, забывая при этомъ, что Виктора Гюго и безъ того читаютъ въ подлинникѣ всѣ тѣ, для кого онъ считаетъ это чтеніе опаснымъ. Нѣтъ ни одной запрещенной иностранною цензурою книги, которую нельзя было бы купить здѣсь, даже у букини-

стовъ. Въ самомъ началѣ появленія *исторіи Наполеона*, сочиненія Вальтеръ-Скотта, ее позволено было имѣть въ Петербургѣ всего шести или семи государственнымъ людямъ. Но въ это же самое время мой знакомый, Очкинъ, вымѣнялъ его у носильщика книгъ за какіе-то глупые романы» *)...

Новыя идеи не могли не вызывать броженія. «Когда осенью 1843 года я прибылъ въ Петербургъ изъ-заграницы,— разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Анненковъ (1812—1887),— то встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона «De la propriété», «Икарія» (Voyage on Jcarie) Кабе, «Система» Фурье,—все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху (1840—1843 гг.), подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ» **)... Въ 1845 г. выходитъ первый выпускъ *Карманнаго словаря*

*) *Дневникъ*, I, 324.
**) *Воспоминанія и крат. очерки.* III, Спб. 1881, стр. 70—71.

иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, составленный кружкомъ Буташевича-Петрашевскаго. Въ «Словарѣ», особенно во второмъ выпускѣ (1846 г.), дѣлались прямыя ссылки на сочиненія Овена, Сенъ-Симона, Базара, Анфантена, Фурье, Кабе. Прудона и приводились ихъ идеи *)...

Вопросъ о народности возникалъ самъ собой. Возбужденная мысль обращается къ изученію русской старины, историческаго прошлаго, особенно въ его связи съ настоящимъ,—въ лучшихъ людяхъ возникаетъ стремленіе уяснить роль своего народа среди другихъ европейскихъ народовъ, его мѣсто въ общей исторіи культуры, его будущее... Идеи народности все сильнѣе и настойчивѣе проникаютъ въ общество, науку, литературу. Вліяніе нѣмецкой философіи, дававшей назрѣвшимъ вопросамъ общую формулировку и ставившей ихъ на почву широкаго принципіальнаго изученія, было особенно важнымъ; это былъ пунктъ, изъ котораго одинаково исходили и славянофилы и западники... Оба эти направленія, при всей ихъ про-

*) Семевскаго: Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и перв. кол. XIX в., II Спб., 1888, стр. 370—375.

тивоположности, даже исключительности, —стояли чрезвычайно близко одно къ другому и, во всякомъ случаѣ, были лучшимъ отраженіемъ совершавшагося броженія. Въ томъ и другомъ направленіи одинаково чувствовалось недовольство настоящимъ; тѣ и другіе,—и славянофилы, и западники,—одинаково исходили изъ стремленія уяснить себѣ, дать себѣ отчетъ въ своихъ воззрѣніяхъ, философскихъ и общественныхъ, въ общемъ строѣ своихъ идеаловъ и понятій; какъ тѣ, такъ и другіе, стремились къ рѣшенію вопроса о народности, къ изученію русскаго народа въ его прошломъ и настоящемъ; для тѣхъ и другихъ знаменемъ одинаково служила—народность... Одинаково важны были и заслуги тѣхъ и другихъ въ общемъ ходѣ русскаго общественнаго развитія.

«Славянофилы» весьма много способствовали постановкѣ и рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи и народности; имъ многимъ обязано историческое и бытовое изученіе русскаго народа,—въ особенности изученіе и собираніе памятниковъ народной поэзіи. Недостатокъ заключался въ крайней своеобразности нѣкоторыхъ взглядовъ, въ очень нерѣдкомъ отсутствіи научнаго метода, въ излишней идеализаціи русскаго прошлаго, иногда въ ка-

комъ-то мистицизмѣ... Что касается до западниковъ,— у нихъ нерѣдко подъ ногами не было почвы; нерѣдко они впадали въ такую-же идеализацію, въ такое-же увлеченіе, какъ и славянофилы, только не своимъ, а западнымъ; нерѣдко черпали отсюда не то, что было особенно важно и полезно, а что больше подходило къ собственному, личному вкусу... При всемъ этомъ, неотъемлемой заслугой «западниковъ» было стремленіе къ западной наукѣ и образованію, стремленіе сдѣлать эту науку и образованіе доступными русскому обществу, ближе познакомить его съ условіями европейской жизни,—большая вѣрность строгому научному методу изученія и обслѣдованія... Не смотря на различіе, даже противоположность стремленій, совмѣстная работа «славянофиловъ» и «западниковъ», самое различіе ихъ взглядовъ на одни и тѣ же вопросы,— эти споры и враждебныя столкновенія,— имѣли самыя благотворныя послѣдствія: все это развивало и усиливало критическую мысль, духъ критическаго анализа, дѣйствовало въ высшей степени благотворно для общаго развитія и русской науки, и русской общественной мысли. Все это чрезвычайно способствовало быстротѣ умственнаго рос-

та общества,—которая поражаетъ историка. Она поражала и современниковъ: «Какою отдаленною, какою глубокою старыною,—замѣчаетъ въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ Бѣлинскій,—отзывается «*Обозрѣніе русской литературы 1814 года*», написанное Гречемъ и помѣщенное въ *Сынѣ Отечества* 1815 года! На нѣсколькихъ жиденькихъ страничкахъ перечислены всѣ ученыя и литературныя пріобрѣтенія и сокровища 1814 года. Что за страшная бѣдность по части, собственно, такъ называемой изящной словесности!.. Авторъ, какъ успѣху русской литературы, радуется тому, что въ теченіе 1814 года вышло въ Петербургѣ и Москвѣ—только по одному роману (оба переведены съ нѣмецкаго), да двѣ историческія повѣсти! Не думалъ онъ тогда, что романъ и повѣсть скоро станутъ во главѣ всѣхъ родовъ поэзіи... А что печаталось тогда,—продолжаетъ Бѣлинскій,—по части изящной словесности въ журналахъ и альманахахъ? Большею частью крошечные отрывки изъ маленькихъ поэмъ, изъ романовъ, повѣстей, драмъ и т. п. Большею частью, цѣлыхъ сочиненій и не существовало: отрывокъ писался безъ всякаго намѣренія написать цѣлое. О каждой такой бездѣлицѣ надо было упомянуть и сказать свое

мнѣніе, потому что тогда—все было ново, все интересовало собою, все считалось важнымъ событіемъ, и отрывокъ изъ несуществующей поэмы въ двадцать стиховъ счетомъ, и элегія, и сотое подраженіе какой-нибудь пьесѣ Ламартина, переводъ романа Вальтеръ-Скотта и переводъ романа какого-нибудь Фонъ-деръ-Фельде... Теперь уже не считается принадлежащимъ къ литературѣ все, что выходитъ изъ-подъ типографскихъ станковъ. Теперь многое испытано, ко многому приглядѣлись и привыкли. Публика нашего времени уже не та, что была прежде».

Размышленіе о томъ, какъ быстро движется русская литература, одно время сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ тогдашней критики. Эта быстрота развитія заканчивается только съ именемъ Гоголя... Отсюда—понятны тѣ различныя, часто противоположныя, теченія, которыя совершались за это время въ нашей литературѣ. Это былъ общій Sturm und Drang Period,—эпоха, когда однѣ идеи быстро уступали мѣсто другимъ, взаимно спутываясь и переплетаясь, когда одни дѣятели, только что выступившіе впередъ, быстро, незамѣтно для нихъ самихъ, дѣлались отсталыми! Противоположность и разнообразіе теченій замѣтнѣе всего отражались

въ критикѣ. Это было время, когда одни писатели, одна часть общества, съ восторгомъ привѣтствовали произведенія Пушкина и Гоголя,—другіе, также стоявшіе во главѣ общественной мысли и развитія,—третировали эти произведенія, какъ произведенія бездарности и ничтожества... Рядомъ съ дѣятельностью Бѣлинскаго, первенствующая роль въ журналистикѣ принадлежитъ Гречу, Булгарину, Сенковскому, взявшимъ литературу какъ бы на откупъ. Обливая грязью произведенія Пушкина и Гоголя, эти критики хвалятъ или другъ друга, или производятъ въ геніи своихъ пріятелей,—разныхъ Кукольниковыхъ и Тимофеевыхъ... Полемика противъ произведеній Пушкина и Гоголя и всей такъ называемой «натуральной школы» —ярче всего показывала хаосъ господствовавшихъ идей и понятій. Нужна была вся геніальность великаго критика, чтобы вывести русское общество изъ этого хаоса и открыть передъ нимъ свободную дорогу для дальнѣйшаго развитія...

14-лѣтняя литературная дѣятельность Бѣлинскаго (1810—1848), лучшаго истолкователя нашей поэтической литературы эпохи Пушкина и Гоголя,— по идеямъ и направленію, прошла, какъ извѣстно, нѣсколько весьма рѣзкихъ фа-

зисовъ развитія,—какъ нельзя лучше отражая на себѣ фазисы развитія всего русскаго тогдашняго общества, въ лицѣ его лучшихъ представителей. Ревностный послѣдователь сначала Шелинга, потомъ Гегеля,—Бѣлинскій подъ конецъ переходитъ въ лагерь тѣхъ учениковъ Гегеля, которые въ корнѣ отрицали всю его философію...

Начиная свою критическую дѣятельность, Бѣлинскій является ревностнымъ пропагандистомъ идей Полевого и Надеждина, отражая въ то же время на себѣ философскія увлеченія кружка Станкевича. Бѣлинскій начинаетъ съ романтизма въ духѣ Полевого; какъ и Полевой, онъ на первыхъ порахъ—поклонникъ теоріи чистаго искусства, искусства, имѣющаго цѣлью не воспроизведеніе жизни, а лишь художественное воплощеніе вѣчныхъ идей. Подобно Надеждину, Бѣлинскій начинаетъ отрицаніемъ всей русской литературы до Гоголя; его первая статья (*Литературныя Мечтанія*, Молва, 1834) не только выводами, но и самымъ заглавіемъ напоминаетъ знаменитую статью Надеждина («Литературныя Опасенія»—*Вѣст. Евр.*, 1828, №№ 21—22); то же содержаніе и въ другой, наиболѣе ранней статьѣ Бѣлинскаго: *Ничто о ничемъ, или отчетъ* 1. *изда-*

телю Телескопа за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы. (*Телескопъ*. 1836). Вмѣстѣ съ этимъ, какъ одинъ изъ представителей кружка Станкевича, Бѣлинскій является проповѣдникомъ воспитанія въ себѣ «абсолютнаго человѣка», т. е. личнаго саморазвитія, проповѣдникомъ полнаго признанія «дѣйствительности», примиренія съ нею, какъ съ фактомъ «существующимъ», «и слѣдовательно—разумнымъ», законнымъ и т. д... Въ дальнѣйшемъ развитіи, эти взгляды, однако, постепенно совершенно преобразовываются—до радикальнаго измѣненія. Постепенно, шагъ за шагомъ, Бѣлинскій приходитъ отъ теоріи искусства безсознательнаго къ теоріи искусства сознательнаго, изъ отвлеченнаго эстетика постепенно превращается въ критика-публициста, ставящаго въ своихъ статьяхъ все настойчивѣе и чаще задачей литературы—возможно полное изображеніе дѣйствительности, служеніе общественнымъ вопросамъ и потребностямъ, дѣйствительнымъ интересамъ жизни и общества. Теоріи чистаго искусства, свободѣ творчества, онъ подъ конецъ придаетъ новое, болѣе широкое, значеніе: «Свобода творчества,—замѣчаетъ онъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей,—легко согласуется съ служені-

ень современности; для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями,—для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни»...

Величайшей заслугой Бѣлинскаго было созданіе русской критики, въ самомъ широкомъ и высшемъ смыслѣ этого слова: онъ далъ этой критикѣ широкія эстетическія и общественныя основанія, и тѣмъ самымъ, болѣе чѣмъ кто другой, способствовалъ выясненію истинныхъ взглядовъ на литературу и ея задачи. Въ этомъ отношеніи его критическія статьи имѣли самое рѣшающее вліяніе на ростъ нашего общественнаго развитія... Главная сила таланта Бѣлинскаго состояла въ живомъ пониманіи искусства, въ тонкомъ эстетическомъ чувствѣ. Бѣлинскій поражаетъ своею проницательностью, вѣрностью оцѣнки; его эстетическіе приговоры—почти цѣликомъ приняты позднѣйшей критикой... Въ своихъ статьяхъ послѣдняго періода (1841—1848) Бѣлинскій смотритъ на литературу, какъ

на одно изъ главнѣйшихъ средствъ общественнаго развитія. На великихъ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя—Бѣлинскій указываетъ, къ чему должна стремиться литература народа, въ чемъ заключается ея истинное призваніе и назначеніе, въ чемъ состоитъ обязанность писателя, чего должно требовать отъ него общество. Послѣ критики Бѣлинскаго, прежній пасторальный тонъ нашей литературы сталъ уже немыслимъ, —отвлеченная, элементарно-дидактическая или диллетантская роль нашей литературы навсегда закончилась: явилось требованіе общественнаго содержанія литературы; стало яснымъ, что задачи писателя—не только художественныя, но и общественныя...

Новое, выступившее въ 40-хъ и 50-хъ годахъ поколѣніе писателей какъ нельзя лучше поняло великія задачи, поставленныя литературѣ лучшими произведеніями Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова, публицистическими идеями знаменитаго критика и—самимъ обществомъ....

Прежде всѣхъ начинаетъ (и оканчиваетъ) литературное поприще А. И. Герценъ (1812—1870). Но первая печатная работа относится къ 1830-му году; съ 1836 г. въ русской журнали-

стикѣ появляется псевдонимъ «Искандеръ» (въ «Телескопѣ», подъ статьей: *Гофманъ*); въ 1840—1841 г. печатаются *Записки одного молодого человѣка* и *Еще изъ записокъ молодого человѣка* (въ „Отеч. Зап.“); въ 1842—1847 гг. въ „Отеч. Запискахъ“ и „Современникѣ“ идетъ рядъ научныхъ статей Герцена: *Диллетантизмъ въ наукѣ*, *Диллетанты-романтики*. *Цѣхъ ученыхъ*. *Буддизмъ въ наукѣ*, *Письма объ изученіи природы* и повѣсти: *Изъ записокъ доктора Крупова*, *Кто виноватъ?* *Сорока-воровка*. Въ 1847 г. Герценъ навсегда уѣзжаетъ за-границу; изъ заграничныхъ трудовъ его отмѣтимъ: *Письма изъ Франціи и Италіи* (первонач.—въ «Современникѣ», въ 1855—отд.) и *Съ того берега* (первонач. въ 1850 г. на нѣмец. яз.; въ 1855 по русски); послѣднее произведеніе, гдѣ Герценъ высказываетъ полное разочарованіе западомъ и западной цивилизаціей—произвело особенно сильное впечатлѣніе и у насъ и на западѣ.

Раньше другихъ дѣлается извѣстнымъ въ печати и имя Н. А. Некрасова (1821—1877): съ 1838 г. въ журналахъ начинаютъ появляться первыя стихотворенія Некрасова; въ 1840 г. отдѣльной книжкой выходятъ *Мечты и Звуки*, а

нѣсколько позднѣе цѣлый рядъ сборниковъ: „Статейки въ стихахъ безъ картинокъ“ (1843) „Физіологія Петербурга“ (1845), „Первое апрѣля“ (1846), „Петербургскій Сборникъ“ (1846), въ которыхъ въ числѣ стихотвореній принадлежащихъ издателю, начинаютъ появляться такія произведенія, какъ стихотвореніе *Въ дорогѣ* (1846), беллетрическій очеркъ *Петербургскіе углы*,—по отзыву Бѣлинскаго—„живая картина особаго міра жизни, который не вездѣ извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ,картина, проникнутая мыслью“... Къ этому же времени относится замѣчательное стихотвореніе Некрасова *Година* (написано въ 1846 г., но въ печати могло явиться лишь въ 1855 г., да и то не безъ хитрости,—съ новымъ заглавіемъ и какъ переводъ „изъ Ларры“, испанскаго сатирика, хотя послѣдній никогда не писалъ стиховъ). Отмѣтимъ также стихотворенія: *Тройка* (1846), *Псовая охота* (1846) *Нравственный человѣкъ* (1847), *Извощикъ* (1848) *Муза* (1851), *Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго* (1853), *Несжатая полоса* (1854), *Власъ* (1854), *Сашка* (1855) и др. Въ 1856 г. выходитъ первое собраніе его стихотвореній.

Съ 1847 г. Некрасовъ, вмѣстѣ съ И.

И. Панаевымъ (1812—1862) и при оффиціальной редакціи А. В. Никитенко (1805—1877), приступаетъ къ изданію „Современника". Вокругъ послѣдняго быстро группируются лучшія тогдашнія литературныя силы. Ближайшее участіе въ молодой редакціи принимаютъ: Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій. Литературная дѣятельность И. С. Тургенева (1818—1883) началась стихами: рядъ ихъ былъ помѣщенъ въ «Отеч. Запискахъ» 1841—1846 г.; большей извѣстностью изъ нихъ пользовались поэмы: *Параша* (вышедшая въ 1843 г. отд. изданіемъ) и *Андрей*. Въ 1847—1848 гг. въ «Современникѣ» печатаются *Записки Охотника* (отдѣльное изданіе, въ 1852 г.), — за которыми слѣдуютъ: *Муму* (1852), *Постоялый дворъ* (1852; напечатаны обѣ лишь въ 1855). *Рудинъ* (1855). *Дворянское гнѣздо* (1858) *Отцы и дѣти* (1862). Въ 1847 г. печатается *Обыкновенная исторія* И. А. Гончарова (1812—1891), въ 1848—1849 гг. *Сонъ Обломова*, *Иванъ Саввичъ Поджабринъ*, въ 1856—1857 *Фрегатъ Паллада*, въ 1858—1859 гг. *Обломовъ*... Въ одинъ годъ съ появленіемъ «Деревни» Григоровича, въ «Петербургскомъ Сборникѣ» Некрасова появляются *Бѣдные*

люди Ѳ. М. Достоевскаго (1822—1881), за первымъ произведеніемъ котораго быстро слѣдуетъ длинный рядъ другихъ: *Двойникъ* (1846), *Господинъ Прохарчинъ* (1846). *Романъ въ девяти письмахъ* (1847) *Хозяйка* (1847); въ 1848 г.—*Чужая жена*, *Слабое сердце*, *Разсказы бывалаго человѣка*, *Воробей*, *Бѣлыя ночи*, *Ревнивый мужъ*; въ 1849 г.—*Неточка Незванная*; еще позднѣе,—*Дядюшкинъ сонъ* (1859), *Село Степанчиково* (1859). *Записки изъ мертваго дома* (1861), *Униженные и оскорбленные* (1861)... Въ 1847 г., подъ псевдонимомъ Нестроева, помѣщаетъ въ «Современникѣ» нѣсколько повѣстей П. Н. Кудрявцевъ (1817—1858), въ 1847 г. появляется *Полинька Сансъ* Дружинина (1825—1864). Кромѣ названныхъ, ближайшее участіе въ «Современникѣ», съ перваго же года его новой редакціи, принимаютъ: А. Н. Майковъ (род. въ 1821 г.), Н. Пл. Огаревъ (1813—1877), А. И. Кронебергъ († 1855 г) Ѳ. Ѳ. Корфъ († 1853 г.), Даль († 1872), Анненковъ (1812—1887). А Н. Струговщиковъ († 1879), Меньшиковъ, Ознобишинъ (1877) и др.; въ критическомъ и научномъ его отдѣлахъ послѣ Бѣлинскаго, успѣвшаго по-

мѣстить здѣсь лишь одну статью,—В. П. Боткинъ (1810—1869), В. А. Милютинъ (1826—1855). Н. Ф. Павловъ († 1864), К. Д. Кавелинъ (1818 - 1885), С. М. Соловьевъ (1820 — 1879) Грановскій (1813—1855) гр. С. С. Уваровъ (1786—1855) А. Ф. Головачевъ († 1877), Н. Г. Фроловъ (1812—1855), А. Н. Аѳанасьевъ 1826—1871), Н. М. Сатинъ, А. Н. Савичъ, Буняковскій (1804 — 1889), и др. Съ 1848—1850 гг. въ «Современникѣ» начинаютъ появляться имена: Станицкой-Панаевой, Е. Туръ, Авдѣева, Н. Щербины (1821—1869), А. М. Жемчужникова (р. 1822), Е. Гребенки (1812—1848)... Въ критическомъ и научномъ отдѣлахъ—В. Майкова (1823—1847), Е. П. Ковалевскаго (1811—1868), Д. М. Перевощикова († 1859), Б. Ордынскаго (1820 — 1861), В. П. Гаевскаго (р. 1826), Ил. Рѣдкина, М. С. Куторги, А. Орлова, М. Н. Стасюлевича (род. 1826 г.), А. Д. Галахова (1807—1892) и др.

Одновременно съ этимъ, въ Москвѣ, около «Москвитянина», начинается литературная дѣятельность А. Н. Остров-

скаго (1824—1886): въ 1847 г. въ печати появляются его *Картины семейнаго счастія*, разсказъ *Очерки Замоскворѣчья* и отрывки изъ комедіи *Банкротъ*; въ 1850 послѣдняя, подъ новымъ заглавіемъ: *Свои люди сочтемся*, въ полномъ видѣ печатается въ «Москвитянинѣ»,—не безъ непріятностей автору со стороны администраціи; въ этомъ же году и въ томъ же журналѣ печатается *Утро молодого человѣка*. За этими первыми крупными произведеніями слѣдуютъ: *Бѣдная невѣста* (1852), *Не въ свои сани не садись* (1853). *Бѣдность не порокъ*, *Не такъ живи, какъ хочется* (обѣ въ 1854 г.), *Въ чужомъ пиру похмѣлье*, *Доходное мѣсто* (обѣ—1856 г.), *Воспитанница* (1859 г.), *Гроза* (1860)... Съ еще большими препятствіями начинаетъ свою дѣятельность другой московскій писатель—А. Ѳ. Писемскій: его первый романъ *Боярщина*, написанный въ 1846 г., былъ прямо, по выраженію автора, «прихлопнутъ» (напечатанъ былъ лишь въ 1858 г., въ «Библ. для чтенія»); первый разсказъ Писемскаго *Нина* печатается въ 1848 г. Въ 1850 г. появляется *Тюфякъ*, за которымъ, въ періодъ 1850—1853 гг., въ «Москвитянинѣ» слѣдуютъ: *Бракъ по страсти*, *Комикъ*, *Богатый женихъ*,

Питерщикъ, М-г Богатоновъ. Затѣмъ въ «Современникѣ» и «Отеч. Запискахъ» появляются разсказы: *Раздѣлъ, Лѣшій* (обѣ—1853 г.), *Виновата ли она?* (1855), *Старая барыня,* романъ *Тысяча душъ* (1858)...

Позднѣе другихъ выступаетъ на литературное поприще гр. Л. Н. Толстой (род. 1828): первое произведеніе его—*Дѣтство,* появляется въ печати лишь въ 1852 г. Почти одновременно съ Толстымъ начинаетъ свою литературную дѣятельность А. А. Потѣхинъ (род. 1829 г.): въ 1853 г. печатается его разсказъ *Титъ Софроновъ Козановъ,* романъ *Крестьянка* и др. Вмѣстѣ съ названными, около этого же времени начинается поэтическая дѣятельность А. П. Плещеева (1825—1893). Одновременно въ печать выступаетъ рядъ новыхъ поэтовъ: Я. П. Полонскій (родив. 1820), гр. А. Н. Толстой (1817—1875), А. А. Шеншинъ-Фетъ (1820—1891), А. А. Мей (1822—1862), М. Л. Михайловъ (1826—1866) и др.; появляются повѣсти Н. С. Соханской-Кохановской (1825—1889), Н. Д. Хвощинской—В. Крестовскаго (1825—1890), П. И. Мельникова (1819—1883), гр. Саліаса де Турнемиръ (род. 1841) и др.

Вмѣстѣ съ другими, на рѣшеніе поставленныхъ задачъ, и при томъ важнѣйшей изъ нихъ, выступилъ и Григоровичъ въ своихъ повѣстяхъ «*Деревня*» и „*Антонъ Горемыка*“.

Впечатленіе ихъ на общество было громадно. «Повѣсть Григоровича,—писалъ Бѣлинскій, по прочтеніи Антона Горемыки,—измучила меня; читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціяхъ. Страшно»!.. И далѣе: «Ни одна русская повѣсть не произвела на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія. Рядомъ съ восторгами Бѣлинскаго, повѣсть Григоровича вызываетъ со стороны представителей «московскаго направленія» обвиненія въ излишней мрачности описанія, въ крайностяхъ увлеченій «натуральной школой», хотя *Хорь и Калиныч* Тургенева тому же критику очень нравятся: «Въ ней,—пишетъ о «Деревнѣ» Григоровича критикъ «Москвитянина» въ томъ же 1847 году, —собрано и ярко выставлено все, что можно было найти въ нравахъ крестьянъ грубаго, оскорбительнаго и жестокаго. Но поражаютъ не частности, а глубокая безчувственность и совершенное отсутствіе нравственнаго смысла въ цѣломъ быту. Ни состраданія, ни рас-

каянія, ни стыда, ни страха, ни даже животной привязанности между единокровными,—авторъ ничего не нашелъ въ русской деревнѣ. Можетъ быть, вы подумаете,—продолжаетъ московскій критикъ,—что она представляется автору въ томъ состояніи первобытной дикости, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предшествуетъ пробужденію нравственнаго сознанія и, слѣдовательно, допускаетъ развитіе; но вы ошибаетесь: въ сквернословіи крестьянъ авторъ подслушалъ какую то иронію надъ попраннымъ чувствомъ, признакъ не дикости, а растлѣнія; имена отца, матери, слова молитвы произносятся безпрестанно, но безотзывно; ими играютъ безъ содраганія; они какъ будто бы выдуманы для другихъ людей, а не для жалкаго племени, утратившаго всякое подобіе съ человѣкомъ»...

Что касается до повѣсти *Антонъ Горемыка*, то ее долго, какъ извѣстно, не пропускала и цензура: она находила, что бѣдственное положеніе крестьянъ представлено въ повѣсти въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ... Только благодаря тому, что цензоръ Никитенко передѣлалъ конецъ повѣсти—она могла явиться въ печати.

Время появленія «Деревни» и «Антона Горемыки» было медовымъ мѣсяцемъ

въ литературной жизни Григоровича. Прославленныя повѣсти сблизили автора съ молодымъ кружкомъ редакціи *Современника*. Григоровичъ особенно сближается съ Боткинымъ и Дружининымъ; сближается также съ В. Майковымъ, Далемъ, Сахаровымъ, Гребенкой,—входитъ въ кружокъ князя Вл. Ѳ. Одоевскаго, гр. В. А. Соллогуба; въ Москвѣ знакомится съ Н. Ф. Павловымъ, Н. Ил. Озеровымъ... Возвеличенный отзывомъ и восторгами Бѣлинскаго, Григоровичъ рѣшается окончательно посвятить себя изученію народной жизни—и вскорѣ надолго поселяется въ деревнѣ. Годы 1847—1855, проведенные Григоровичемъ въ деревенскомъ уединеніи,—годы наиболѣе усиленной его литературной дѣятельности; послѣ двухъ знаменитыхъ повѣстей, этими годами исчерпывается почти вся послѣдующая литературная дѣятельность Григоровича. Его произведенія теперь быстро слѣдуютъ одно за другимъ, съ необыкновенной плодовитостью. За этотъ періодъ въ печати являются разсказы, повѣсти и романы: *Бобыль* (1847), *капельмейстеръ Сусликовъ* (1848), *Похожденіе Накатова или недолгое богатство* (1849), *Четыре времени года* (1849), *Неудавшаяся жизнь* (1850), *Свѣтлое Христово Воскресенье*, — *простонародное повѣрье* (1851),

Свистулькинъ,— физіологическій очеркъ, (1851), *Мать и дочь* (1851), *Проселочныя дороги,—романъ безъ интриги* (1852—1853), *Смедовская долина* (1852), *Зимній вечеръ* (1852), *Рыбаки* (1853), *Прохожій,—святочный разсказъ* (1854), *Столичные родственники* (1856), *Пахарь* (1856), *Школа гостепріимства* (1857), *Переселенцы* (1855—1856) и нѣсколько позднѣе: *Въ ожиданіи парома* (1857), *Пахатникъ и бархатникъ* (1859) и нѣкоторые др.

Весной 1858 года Григоровичъ покидаетъ деревню и отъ мирнаго сельскаго коноплянника отправляется, по порученію морского министерства, въ морское путешествіе кругомъ Европы. Путешествіе это послужило предметомъ особаго рода очерковъ и набросковъ, помѣщавшихся сначала въ «Морскомъ Сборникѣ», потомъ вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ: *Корабль Ретвизанъ.— Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ* (1858—1859). «Корабль Ретвизанъ» было послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ Григоровича. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ и совсѣмъ покидаетъ литературную дѣятельность: страсть къ искусству опять беретъ верхъ, и послѣдніе 30 лѣтъ своей жизни Григоровичъ исключительно отдаетъ себя на служеніе русскому ис-

кусству... Къ литературѣ онъ обращается лишь изрѣдка, какъ бы мимоходомъ, случайно; отмѣтимъ неконченный романъ *Два генерала* (1860) и позднѣйшіе разсказы: *Гутаперчевый мальчикъ* (1880), *Акробаты благотворительности* (1885) и нѣкот. др. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года въ «Русской Мысли» были напечатаны его интересныя *Литературныя воспоминанія* (1892, дек.; 1893, янв. и февр.).

Лучшій періодъ литературной дѣятельности Григоровича занималъ собою не болѣе 10—12 лѣтъ и въ своемъ характерѣ и направленіи вполнѣ опредѣлялся двумя первыми разсказами: «Деревней» и «Антономъ Горемыкой». Разсказами, повѣстями и романами изъ простонародной жизни, главнымъ образомъ, опредѣляется и, вообще, мѣсто Григоровича въ исторіи нашей новѣйшей литературы,— его значеніе, какъ писателя. Произведенія изъ простонароднаго быта дали ему имя; они навсегда и сохранятъ это имя въ ряду нашихъ отечественныхъ писателей. Что касается до всего остальнаго, написаннаго Григоровичемъ въ своей литературной дѣятельности,—онъ нерѣдко касался и другихъ странъ русской жизни, помимо быта простого народа,— то все это не выходило изъ ряда посред-

ственной беллетристики... Величайшей заслугой Григоровича было то, что онъ однимъ изъ самыхъ первыхъ выступилъ въ своихъ произведеніяхъ на новый литературный путь, однимъ изъ самыхъ первыхъ нашихъ писателей обратился къ изображенію простого народа, русскаго крестьянскаго міра. Вмѣстѣ съ авторомъ «Записокъ Охотника», идея народности у Григоровича впервые получала реальное приложеніе,—литературнымъ героемъ впервые являлся народъ, сѣрая народная масса. Одновременно съ первыми разсказами изъ «Записокъ Охотника», въ «Деревнѣ» и «Антонѣ Горемыкѣ» Григоровича, и въ цѣломъ рядѣ послѣдовавшихъ затѣмъ его разсказовъ, очерковъ, романовъ—русскому простонародью впервые отводилось высокое, подобающее ему мѣсто въ родной литературѣ. Правда, русскій народъ и прежде нерѣдко появлялся на страницахъ русской повѣсти, комедіи, романа, иногда даже съ полной жизненной реальностью изображенія, какъ напр. у Пушкина и Гоголя; но всѣ эти появленія народа имѣли все же больше случайный, эпизодичный, характеръ: народъ захватывался литературной картиной или какъ общій фонъ, или мимоходомъ, какъ бы въ роли статиста, простой обстановки. Полно-

правнымъ литературнымъ героемъ народъ впервые выступилъ лишь въ «Запискахъ Охотника» и въ произведеніяхъ Григоровича. Въ лицѣ Тургенева и Григоровича—наша литература впервые со всей долженствующей серьезностью и внимательностью приступила къ изученію и художественно - реальному изображенію русскаго крестьянскаго міра, впервые вполнѣ серьезно рѣшилась взяться за изображеніе крестьянской бабы, мужика-голыша, рыбака, нищаго-акробата, фабричнаго и цѣлаго ряда другихъ подобныхъ «сермяжныхъ героевъ»... Наша литература впервые теперь какъ бы окончательно теряла свой изящный, барскій тонъ, принимая характеръ литературы «Мужицкой»... Въ послѣднемъ отношеніи, со стороны реальности изображенія, Григоровичъ идетъ какъ бы гораздо дальше «Записокъ Охотника», почему и вызвалъ на себя со стороны нѣкоторыхъ критиковъ обвиненія въ утрировкѣ мрачными красками,—критиковъ, которымъ, какъ мы уже замѣчали, вполнѣ нравились разсказы изъ «Записокъ Охотника»... Дѣйствительно, тамъ читатель по крайней мѣрѣ находился на свѣжемъ воздухѣ; Григоровичъ повелъ еще въ грязную, курную, мужицкую избу... У Григоровича «сермяжные герои»—впервые явились

передъ публикой во всей своей деревенской обстановкѣ, въ рваныхъ зипунахъ и грязныхъ онучахъ,—со всѣми своими «болѣзными» нуждами и бѣдами... Давно назрѣвшія, и въ обществѣ и въ литературѣ, потребности въ изученіи народнаго быта—теперь впервые получали серьезное удовлетвореніе.

Жизнь простого народа охватывается въ произведеніяхъ Григоровича, дѣйствительно, съ самыхъ различныхъ сторонъ, во всей ея полнотѣ. Передъ читателемъ проходитъ длинная вереница самыхъ разнообразныхъ крестьянскихъ типовъ и характеровъ, безконечный рядъ самыхъ различныхъ картинъ и перипетій крестьянскаго житья-бытья, со всѣми его будничными событіями, радостями и скорбями. Это—цѣлая эпопея «крестьянства», иногда довольнаго и счастливаго, но чаще—загнаннаго, подавленнаго, забитаго нуждой и всякими «тѣснотами»... Несчастія и бѣды иногда зависятъ и отъ невѣжества, лѣни «героевъ», но, обыкновенно и чаще—отъ ихъ общей обстановки, отъ притѣсненій «лихихъ людей». Какъ и въ жизни, драма чередуется съ семейными радостями, даже идилліей; разсказъ нерѣдко подергивается какой-то идиллической дымкой. Прибавимъ даже: у писателя иногда можно

встрѣтить тонъ нѣсколько искусственный; деревенскіе герои изрѣдка какъ-бы теряютъ свою «сермяжную» естественность и на мгновеніе готовы перейти въ «пейзановъ»... Но это—лишь исключенія, частности. Вообще—писатель вѣренъ дѣйствительности, и указанныя уклоненія, болѣе или менѣе замѣтныя въ отдѣльныхъ мѣстахъ, не мѣшаютъ общей вѣрности разсказа. Суровая дѣйствительность не только не скрывается, не затушевывается писателемъ,—напротивъ, выступаетъ со всею яркостью и иногда поражающей реальностью. Писатель старается рисовать жизнь во всей ея жизненной правдѣ, не утаивая ея хорошихъ сторонъ, но и не налегая исключительно на грязь и пошлость; мрачныя краски, впрочемъ, невольно берутъ перевѣсъ въ картинѣ...

Не идеализируя своихъ «сермяжныхъ героевъ», писатель тѣмъ не менѣе любитъ ихъ,—эта любовь передается и читателю: теплое, сердечно—правдивое отношеніе автора къ его «сермяжнымъ» героямъ, всюду разлитыя въ его произведеніяхъ, горячая любовь и участіе къ судьбѣ «горемычныхъ» Антоновъ сообщаются и читателю, заставляютъ его задумываться...

Но писатель любитъ не слѣпо. Онъ

хорошо видитъ и сознаетъ дурныя стороны своихъ героевъ. Онъ не скрываетъ поражающаго невѣжества описываемой имъ крестьянской среды, царящаго здѣсь суевѣрія, страшной грубости нравовъ, нерѣдко безчеловѣчія и жестокости, апатичной лѣни, наконецъ—этой стадности выведенной толпы... Нѣкоторыя страницы Григоровича въ этомъ отношеніи напоминаютъ атмосферу *Власти тьмы*... Съ свѣтлыми, «идиллическими» сценами, у писателя чередуются картины грубаго эгоизма, пьянства и нищеты, злорадства несчастію ближняго, тупаго равнодушія къ гибели собственнаго брата-крестьянина, общей развращенности фабричной среды... Читателя чаще всего охватываетъ тяжелое чувство: онъ видитъ передъ собой народъ, подавленный нуждой, — народъ, который или ходитъ пришибленнымъ «горемыкой», какъ Антонъ, или пьянствуетъ и мошенничаетъ, думая только о себѣ и грабя своего же брата—крестьянина, какъ мельникъ Авксентій; или превращается просто въ стадо, которое памятуетъ лишь о томъ, что «своя шкура дороже»... Припомнимъ, напримѣръ, эту толпу, которая, подъ вліяніемъ минутнаго стаднаго страха, головой выдаетъ управляющему Антона...

Общій, главный источникъ гнетущей атмосферы писатель видитъ въ крѣпостномъ правѣ. Это—главная и основная причина «горемычной» судьбы выводимыхъ «Антоновъ». Эта сторона дѣйствительности особенно оттѣняется писателемъ въ его первыхъ произведеніяхъ,—въ этомъ и сосредоточивалось ихъ главное общественное значеніе для своего времени. «Деревня» показывала, сколько горя, несчастія можетъ принести крестьянской бабѣ даже и добрый въ сущности баринъ, желающій даже «поблагодѣтельствовать». Антонъ Горемыка наглядно рисовалъ то отчаяніе, до котораго можетъ постепенно дойти самый смирный и честный крестьянинъ, подъ невыносимымъ гнетомъ безъисходной нужды, ежедневныхъ оскорбленій и насмѣяній, всей давящей обстановки безъисходнаго рабства... Рабство превращаетъ народъ въ тупую, апатичную толпу,—равнодушно относящуюся къ несчастію бѣдняка: припомнимъ смѣхъ старика надъ бѣгущимъ за лошадью ополоумѣвшимъ Антономъ,—это равнодушіе кузнеца Вавилы, набивающаго Антону на ноги арестантскія колодки...

Произведенія Григоровича особенно богаты этнографическимъ содержаніемъ. Передъ читателемъ въ яркихъ

картинахъ развертывается вся жизнь народа, со всѣми бытовыми ея подробностями, со всѣми ея мелкими, обыденными чертами, со всѣмъ богатымъ разнообразіемъ ея мелочей. Тутъ передъ нами не только крестьянская земледѣльческая работа, но весь міръ «хрестьянства»—рыбаки, фабричные, офени—торгаши, бродяги—нищіе и т. д.

Нельзя не отмѣтить, въ заключеніе, нѣкоторыхъ внѣшнихъ недостатковъ разсказа нашего писателя—ихъ нерѣдко излишней растянутости. Писатель часто какъ-бы злоупотребляетъ своимъ мастерскимъ талантомъ къ описаніямъ, картинамъ, и подробностями изложенія утомляетъ читателя... Многіе его разсказы,—особенно романы,—значительно-бы выиграли, если бы были сокращены даже на цѣлую треть....

Проф. А. Архангельскій.

Археологическій
музей
1-го Моск. Гос. Унив.

Stanford University Libraries
3 6105 002 088 271

PG
3337
G77Z62

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE